

Гераскина Екатерина

**ЦЕЛИТЕЛЬНИЦА
ДЛЯ ГЕНЕРАЛА.
Я ЕГО ЛЕКАРСТВО
ПОСЛЕ РАЗВОДА**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
Г37

Г37 **Гераскина Е.**
Целительница для генерала. Я его лекарство после развода / Гераскина Екатерина — М.: Литнет, 2026. — 314 с.

ISBN 978-5-521-99766-4

— Ты калека, Нортан! А я так молода! Я хочу развестись с тобой! — кричала супруга генерала. Нортан Харддрэй в свои тридцать — калека, который едва может передвигаться в инвалидном кресле. Генерал изуродован и ослаблен. Хотя некогда он был опасным, стремительным и беспощадным. Я в свои почти двадцать — дважды вдова. Я не терплю мужских прикосновений и всё детство провела в подвале. От генерала отвернулась семья. А моя была ко мне безжалостна. Моя задача — поднять его на ноги, чего бы мне это ни стоило. Потому что тогда император согласится удовлетворить моё самое заветное желание. Только мне придётся использовать свой тайный дар. И главное, чтобы о нём не узнал генерал.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99766-4

© Литнет, 2026
© Е. Гераскина, 2026

Глава 1

– Ты калека, Нортан! А я так молода! Я хочу развестись с тобой! – пронзительно кричала супруга генерала, и её голос, резкий и высокий, эхом разносился по спальне.

Я стояла за приоткрытой дверью и тяжело дышала. Воздух словно стал густым и вязким.

Сжимала кулаки так, что ногти впивались в ладони. Стискивала зубы, пытаясь унять злость.

Я должна была оставаться спокойной.

Должна была помнить, зачем нахожусь здесь и кто я для всех. Хотя хотелось войти и выставить эту леди прочь!

Супруга моего подопечного была красива той холодной, безупречной красотой, которая восхищает. Высокая, светловолосая, голубоглазая.

Волосы идеально уложены, ни одна прядь не выбивалась. На ней было дорогое бархатное платье насыщенного винного цвета, облегающее тонкий стан и подчёркивающее грудь, а книзу мягко расширяющееся.

На шее и запястьях сверкали украшения – изящные, дорогие, безупречно подобранные. Всё в ней кричало о достатке, положении, привычке к роскоши.

Я перевела взгляд на лежащего генерала.

Некогда красивый своей суровой мужской красотой боевой дракон – мощный, опасный, внушающий страх одним лишь взглядом, – теперь он был похож на собственную тень.

Выпирающие кости на боках. Забинтованная грудь. Пергаментная выцветшая кожа. Рано поседевшие волосы. А ведь ему чуть больше тридцати.

И только глаза – злые, яростные, живые – всё ещё сверкали на осунувшемся лице.

До середины груди он был накрыт тяжёлым бархатным одеялом тёмно-синего цвета. Рядом с кроватью, как я и просила, были установлены прочные поручни, чтобы Нортан мог сам пересаживаться в инвалидное кресло, стоявшее неподалёку.

Вообще, мне пришлось переделать в этом доме слишком многое. Дом не был предназначен для мужчины в инвалидном кресле.

Узкие проходы, высокие пороги, неудобные двери – всё это приходилось менять. И ещё столько предстояло сделать.

Но деньги и маги творят чудеса.

После обеда у нас были запланированы первые занятия. Но едва стрелки часов перевалили за полдень, явилась... молодая супруга генерала.

– Я требую развода! И если ты не подпишешь бумаги добровольно, я подам прошение императору и добьюсь расторжения брака по причине твоей мужской несостоятельности и недееспособности!

Я видела, как генерал сжимает зубы. Как пальцы вцепились в складки бархатного одеяла. Как он буравит жену взглядом исподлобья, пока та ходит взад и вперёд у его простой, но добротной кровати, размахивая руками.

– Я не настолько недееспособен, чтобы ты об этом кричала, – хрипло произнёс Нортан. Голос звучал так, словно горло разрывали наждаком. Даже сейчас он был сдержан.

– Да ты посмотри на себя! Ты почти как труп! А нам с девочками нужно на что-то жить! Я семь лет отдала этому браку! И больше не хочу терять ни дня!

– О каких деньгах ты говоришь, Алисия?.. – прохрипел он. – Их у меня достаточно. Хватит и тебе, и нашим детям.

Насколько я знаю, у Нортана были две дочери, пяти и трех лет.

– Деньги имеют свойство заканчиваться! А тебе ещё требуется дорогостоящее лечение.

– Алисия... – предупреждающе произнёс он.

– Что Алисия? Ты постоянно был на фронте! Только и делал,

что служил! И вот к чему это привело! Ты едва говоришь! Едва дышишь! На тебя смотреть страшно! – она снова взмахнула руками. – Ты приезжал домой на две недели раз в полгода. Это крайне мало! Я, считай, всегда была одна! Только и делала, что ждала тебя!

– Ты знала, за кого выходишь замуж. И знала, что после медового месяца я отправлюсь служить. Таков мой долг.

– Долг! Долг? И чем теперь тебе поможет твой долг? Император даже не оплатил тебе достойное лечение! Переселил в эту одноэтажную развалину на окраине столицы! И приставил какую-то девчонку в няньки!

– Уходи, Алисия.

Я заметила, как резко ухудшается его состояние. Периодические боли после тяжёлого ранения и отравления демоническим ядом всё ещё мучили его.

Сейчас было время приёма лекарств, прописанных Аннабель – лучшей травницы императора. Если приступ усилится, остановить его будет сложно.

– Подпиши развод, и я уйду!

Я решительно распахнула дверь. В руках у меня был серебряный поднос, на котором стояли стакан воды и несколько склянок с эссенциями.

Алисия заметила меня, скривилась и окинула пренебрежительным взглядом. Я молча прошла мимо неё и поставила поднос на прикроватную тумбочку. Выпрямилась.

– Могу я с тобой поговорить? Как там тебя? – надменно бросила она мне.

Я неопределённо пожала плечами и не спешила представляться.

Глава 2

– Алисия, просто уходи, – устало, но твёрдо произнёс Нортан.

– Нет. Я должна поговорить с этой... – она смерила меня презрительным взглядом, – чтобы узнать, как тебя тут лечат.

– Хорошо меня лечат.

– Я и вижу! – взвилась Алисия и широким жестом обвела рукой спальню генерала.

Словно именно мебель, а не я лечу её супруга.

Да, здесь не было лепнины, позолоченных купидонов и дорогой вычурной мебели. Ни тяжёлых резных комодов, ни хрустальных светильников, ни шёлковых балдахинов.

Потому что в первую очередь комната должна была соответствовать потребностям подопечного, который передвигался в инвалидной коляске.

Поэтому здесь стояла только крепкая дубовая кровать, без украшений, устойчивая, надёжная, с правильной высотой. Рядом простая тумбочка, на которую я ставила лекарства и воду.

У изголовья и вдоль стены были закреплены поручни. Никаких балдахинов, никаких длинных тканей, в которых могли запутаться колёса. Никаких ковров с высоким ворсом.

Лишь плотные тёмные шторы, которые я задвигала на ночь. Один прочный шкаф. И кресло в углу. Не для красоты, а чтобы при необходимости было куда мне сесть. Всё было рассчитано так, чтобы коляске ничего не мешало.

Ковёр я вчера сама свернула и убрала. Колёса тяжело буксовали на ворсе, и мне пришлось скатать и вынести его в кладовую. Генералу пока не хватало силы в руках, чтобы преодолевать подобное сопротивление.

Думаю, через какое-то время я верну ковер на место. Когда сила в руках восстановится. Когда он сможет уверенно крутить колёса, не стискивая зубы от боли.

Это тоже станет частью моего лечения – последовательное возвращение сопротивления для постепенного увеличения нагрузки.

– Это похоже на казарму, а не на спальню генерала, – холодно произнесла Алисия.

– Это похоже на комнату человека, которому нужно восстановиться, – спокойно ответила я.

Она прищурилась.

– И что же ты понимаешь в восстановлении?

Я выдержала её взгляд.

«Гораздо больше, чем ты думаешь.»

Но вслух сказала лишь:

– Достаточно.

– Алисия! – одёрнул генерал, а та раздражённо фыркнула.

Я видела, что Алисия не собирается уходить. Единственный способ освободить комнату – вывести её самой. Генералу нужно было время, чтобы справиться с приступом.

И я знала, как тяжело подобным мужчинам переносить слабость на глазах у других.

Кроме того, Нортану нужно было пересест в инвалидное кресло. И он делал это сам.

Я кивнула Алисии, давая понять, чтобы та следовала за мной. Сама плотно прикрыла дверь спальни.

Из неё мы сразу попали в просторное помещение без лишних перегородок. Чуть левее была гостиная с минимумом мебели, чтобы оставалось место для коляски.

Справа, в просторном закутке, – кухня, где стояли всего два стула и широкий стол, под который свободно можно было заехать. Всё было перестроено под новые возможности подопечного.

В дальнем коридоре находилась моя лаборатория, но проводить экскурсию для Алисии я не собиралась.

Она осмотрела дом с явным презрением, морща острый нос.

Из спальни донёсся тихий металлический скрежет – Нортан пересаживался в коляску.

Я уловила едва слышный прерывистый выдох.

Алисия тоже услышала звук и поморщилась.

– Посмотри правде в глаза, – тихо, но ядовито сказала она. – Он никогда не станет прежним. Ему уже никто не поможет. А ты совсем молодая. Тебе и деньги нужны, наверное.

Алисия была ровесницей супруга. Чуть старше тридцати.

А вот то, куда завёл наш разговор, было по-настоящему интересным.

Но на моём лице не отразилось совершенно ничего. Ни тени удивления. Ни раздражения.

Я давно привыкла прятать свои эмоции за маской отрешённости и равнодушия. Это стало моей бронёй. Моей второй кожей.

Так было проще выжить в этом жестоком мире, где каждому от тебя что-то нужно. Где никто ничего не делает просто так. Где любое участие – это вложение с расчётом на прибыль. Где любовь продаётся за деньги, положение и влияние.

Я рано это поняла.

Слишком рано.

У меня было тяжёлое детство. И ещё более тяжёлое взросление. Подвал с одним узким окном. Холодные стены. Сырость. Ко мне никогда просто так не спускались мать или отец, только если что-то требовалось. Только если я должна была быть полезной.

Но каждый раз, сталкиваясь с человеческим пренебрежением и жадностью, я ощущала, как внутри меня всё равно болезненно вздрагивает крошечный осколок той самой маленькой девочки. Той, что когда-то надеялась, что не все в этом мире продажные твари. Что существуют люди, которым не чужды чужие проблемы. Которым не всё равно.

Этот осколок души всё ещё жил во мне, только благодаря паре человек.

Я медленно повернулась к Алисии. Та взглянула на меня и медленно раскрыла свою изящную сумочку. Достала оттуда несколько золотых монет.

И, не говоря ни слова, сунула их мне в карман платья.

Она усмехнулась.

А я сжала пальцы, чувствуя, как под кожей едва заметно откликается мой дар. Хотелось как следует промыть ей мозги. Но нельзя!

Я вскинула бровь медленно, почти лениво.

А в следующий миг мне сунули в руки плотную кожаную папку с документами.

– Заставь его подписать бумаги о разводе, – холодно произнесла Алисия, качнув головой в сторону спальни. – Тогда дам тебе ещё десять золотых.

Я опустила взгляд на папку. Провела пальцами по тиснённой обложке. Ни один мускул на моём лице не дрогнул.

Затем я молча развернулась, прошла в сторону входа, давая понять, что той пора. Алисия поцокала своим каблуками в мою сторону.

– Ты слышала меня, девчонка!

– Вам пора.

Безэмоционально закончила я, даже не повысив голоса. И посмотрела мимо Алисии на закрытую дверь спальни.

Я мысленно отсчитывала время.

Достаточно ли его прошло?

Алисия фыркнула, окинула меня презрительным взглядом с головы до ног, а потом резко подалась вперед и сжала мой локоть. А в мой карман упала ещё горсть монет.

Она зло и раздражённо заговорила.

– Ты ведь из бедных, – протянула она. – По тебе видно. Точно нуждаешься в деньгах.

Я не ответила. Она сделала шаг ближе. Запах её сладких духов снова накрыл меня плотной волной.

– Ты такая молоденькая... – продолжала она, снисходительно склонив голову набок. – Наверняка хочешь красивых платьев. Украшений. Нормальной жизни. Не этой... – она обвела рукой холл.

Я смотрела на неё спокойно.

– Я могу подсказать тебе, как сделать мужа сговорчивее, – её голос стал тише, почти заговорщическим. – Попробуй ночью быть с ним... ласковой. Постарайся. Я, конечно, не знаю, работает там у него что-то или нет ниже пояса, – она хмыкнула, – но ты уж постарайся. Мужчины слабы, когда им приятно.

Она наклонилась ближе.

– А потом просто подсунь ему документы. В нужный момент. И всё решится само собой. Понимаешь?